

УДК 811.161.1

**ОБРАЗ АВТОРА В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ М. ГОРЬКОГО
(ОЧЕРК «ЛЕВ ТОЛСТОЙ»)**

© 2011 г.

В.М. Черняева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vestnik@unn.ru

Поступила в редакцию 29.12.2010

Рассматривается речевая структура образа автора как особой категории текста, формирующей стилистическую систему и словесную композицию очерка М. Горького «Лев Толстой».

Ключевые слова: образ автора, словесная композиция, словесные ряды.

В.В. Виноградов отмечал, что самые большие трудности при изучении «структуры словесно-художественного произведения» встречаются «в сфере анализа речевой структуры “образа автора”» [1, с. 47]. Трудности эти не преодолены и в настоящее время, поэтому представляется целесообразным обратиться к этой проблеме.

Образ автора, в понимании В.В. Виноградова, – категория, организующая текст и из текста реконструируемая. Она связана с задачей «выяснения внутреннего единства стилистических средств литературного произведения». «Образ автора, – пишет он, – это та цементирующая сила, которая связывает все стилевые средства в цельную словесно-художественную систему. Образ автора – это внутренний стержень, вокруг которого группируется вся стилистическая система произведения» [2, с. 92]. Это не конкретный персонаж, не реальный писатель с его биографией, психологией, а его «своеобразный актерский лик», который ощущается «в ткани слов, в приемах изображения», который «сквозит в художественном произведении всегда», – читаем в одном из писем В.В. Виноградова [3, с. 311].

Образ автора проявляется в словесной композиции произведения, которая в ранних работах ученого рассматривается как система «языковых объединений», как структурные формы речи, наблюдаемые «в организации литературных произведений» [4, с. 70]. Позднее эти слагаемые будут названы им словесными рядами, а сама словесная композиция определена как «система динамического развертывания словесных рядов в сложном единстве целого» [1, с. 49; 2, с. 141].

Четкого определения понятия словесного ряда у В.В. Виноградова нет, но из контекста его работ видно, что это не только слова (хотя прежде всего именно они), но и различные их объединения, семантические преобразования, звуковая организация, морфологические особенности. А.И. Горшков, ученик и последователь В.В. Виноградова, суммируя наблюдения, предлагает такое определение: «Словесный ряд – это представленная в тексте последовательность (не обязательно непрерывная) языковых единиц разных ярусов, объединенных композиционной ролью и соотносительностью с определенной сферой языкового употребления или с определенным приемом построения текста» [5, с. 160].

В.В. Виноградов разрабатывал свою концепцию образа автора применительно к художественным произведениям. Можно ли говорить о наличии этой категории в мемуарных очерках? Надо полагать, можно, и вот по каким соображениям. Прежде всего, мемуарная проза М. Горького, его литературные портреты – это тоже художественная речь, ее жанровая, стилевая разновидность. Кроме того, образ автора, судя по отдельным замечаниям В.В. Виноградова и по четко сформулированному тезису А.И. Горшкова, «категория универсальная, очень разнообразная в своих проявлениях и присущая текстам разных типов» [5, с. 181].

Задачей данной статьи как раз и является попытка анализа формирования и проявления речевой структуры образа автора в очерке М. Горького «Лев Толстой» с учетом специфики его жанра.

Если в художественной прозе образа автора конкретно нет в тексте, он «скрыт в глубинах

композиции и стиля» [1, с. 176], то в очерке образ автора, образ рассказчика и реального писателя сливаются в одну текстовую категорию. Биографическая составляющая здесь является структурным компонентом образа автора. Очерк «Лев Толстой», как отмечает М. Горький во вступлении, состоит из «отрывочных заметок», которые он писал в 1901–1902 гг. в Крыму под непосредственным впечатлением от общения с Л.Н. Толстым. В.В. Виноградов указывает также, что структура образа автора «определяется не психологическим укладом данного писателя» [3, с. 312]. В очерке эта составляющая также есть. В нем отсутствует упоминание о жене Л.Н. Толстого, и М. Горький объясняет психологические мотивы этого: «Я нарочито умолчал о Софии Андреевне. Она не нравилась мне» (311)¹.

Так о каких же чертах образа автора в очерке М. Горького «Лев Толстой» можно говорить? Здесь, как и в любом другом художественном жанре, его проявление обнаруживается в способах организации словесной композиции. Хотя М. Горький пишет, что очерк состоит «из отрывочных заметок», с этим трудно согласиться, потому что он дважды издавался (1923, 1927 гг.), при этом менялся его объем, корректировалось содержание. Это говорит о том, что перед нами литературное произведение, структура которого была продумана автором. Часть заметок организована по принципу монолога, другая включает диалог, прямую речь Л.Н. Толстого. Все это подчинено цели донести до читателя горьковское восприятие и оценку Л.Н. Толстого, оценку неоднозначную и во многом полярную. «Восхищаясь Толстым-художником, Горький вместе с тем был непримиримым оппонентом Толстого-проповедника», – пишет В.С. Барахов [6, с. 87].

Образ автора и проявляется в распределении «света и тени при помощи выразительных речевых средств» [7, с. 256] в словесной композиции произведения. Основной конструктивный прием этой композиции, да и тезис, который развертывается в очерке, выражен фразой М. Горького: *Несмотря на однообразие проповеди своей – безгранично разнообразен этот сказочный человек* (276). Полярность оценки предопределила систему формирования словесных рядов по принципу контраста. И по сути, в очерке два таких ведущих, ключевых словесных ряда – ‘человек’ и ‘бог’, ‘божеское’ (Толстой-человек и Толстой-проповедник), остальные включаются в них, дополняя и конкретизируя. Ряды эти связаны с системой образности, с приемами построения и эмоциональной стороной

текста, с возникающими внутри них семантическими обертонами слова.

Чтобы понять смысловую и экспрессивную нагрузку слов, организующих эти ряды, нужно очерк, как и все творчество писателя, рассматривать в контексте его философских и нравственных исканий, в контексте русской философской и религиозной мысли начала XX века, в частности, его полемики с Бердяевым.

Человек был «микрокосмом, малой вселенной» не только для М. Горького, но и для Бердяева, однако вкладывали они в это понятие разный смысл. Центральной идеей философии Бердяева была идея богочеловека, богочеловечества. Отсюда резкая критика горьковского культа человека, «плоского человекобожества», его антропоцентрической философии, утверждавшей идею человекобога, веру в творческое начало и неограниченные возможности личности без вмешательства бога.

Идея бога в мировоззренческом аспекте также интересовала М. Горького. Но ни трактовка этой идеи, ни горьковское богостроительство, которым он увлекался одно время, не перекликались с концепцией Бердяева.

Непримиримость позиций вызвала открытую полемику М. Горького и Бердяева в печати и скрытую в художественном творчестве писателя. Отголоски этого спора чувствуются и в очерке о Толстом, оттого, надо полагать, слова ‘человек’ и ‘бог’ являются в нем ключевыми, образуя структурно организующие словесные ряды.

Заметки о «божеском» в Толстом-проповеднике начинают и завершают очерк, как бы создавая его кольцевую композицию. Горький все время подчеркивает, что Толстой-художник, личность выше, значительнее Толстого-проповедника и что он сам чувствует это. *С богом у него очень неопределенные отношения*, – пишет М. Горький, – *но иногда они напоминают мне отношения двух медведей в одной берлоге* (261).

Словесный ряд, относящийся к проповеди, не включает лексику положительного оценочного ореола. Резкие оценки выражены словами и словосочетаниями с прямым номинативным значением. По стилистической окраске это лексика либо нейтральная, либо т.н. интеллектуально-оценочная (семантика которой включает оценочные компоненты): *недостаточно убедительна, реакция прошлого, атавизм* (279), *однообразие проповеди, проповедники – люди холодные* (276). *В проповеди*, – пишет М. Горький, – *я не могу не чувствовать... попытки насилия надо мной, желания овладеть моей совестью*

(279). *Инквизиторское, сектантское* – по поводу учения Толстого (279) и т.п.

Оценка Горьким отношения Толстого к религии, христианству также чаще выражена средствами прямой номинации. Он пишет, что о Христе Толстой говорит *особенно плохо – ни энтузиазма, ни пафоса нет в словах его... Думаю, что он считает Христа наивным, достойным сожаления и хотя – иногда – любит-ся им, но – едва ли любит*. И завершает это рассуждение образным сравнением, контрастирующим с предшествующим контекстом и разговорной синтаксической структурой, и просторечным словом ‘девки’: *И как будто опасается: приди Христос в русскую деревню – его девки засмеют* (257).

В словесном ряду представлены и оценочные средства, сформированные на базе образного, метафорического использования слова, конструктивных приемов контекстной синонимии и антонимии.

Отрицательная оценочность слова усиливается или создается его переносным употреблением в сочетании со словами, контрастирующими с ним предметно-логически или стилистически. Таковы: *надеть на шею ярмо догмата, любование грехами, порабощение воли к жизни, прыгать в сторону утверждения святости своей и поисков нимба* (279).

Стилистически сниженным синонимом слова ‘бог’, причем с ярко выраженной негативной экспрессией, является научный термин ‘стрептококк’, употребленный переносно и расширительно. М. Горький пишет, что мысль о боге *чаще других точит его сердце*, но говорит Толстой об этом мало, вероятно, *от прекрасной человеческой гордости и немножко от обиды, потому что, будучи Львом Толстым, оскорбительно подчинить свою волю какому-то стрептококку* (253).

Аналогичную оценочную функцию выполняет сталкивание во фразе антонимов культовой тематической группы ‘святой’-‘грешник’: *...я не могу видеть Толстого святым; да пребудет грешником* (284). В качестве контекстных антонимов с полярной оценочностью употреблены М. Горьким паронимы *жизнь-житие*: *...меня всегда отталкивало от него это упорное, деспотическое стремление превратить жизнь графа Льва Николаевича Толстого в «житие иже во святых отца нашего блаженного боярина Льва»* (278).

Среди образных оценочных средств в этом словесном ряду есть прием, который В.В. Виноградов назвал присоединительным сцеплением слов и фраз. Суть его в противоречии формы и

содержания: цепочка зависимых слов оформлена как грамматически однородные члены, но предметно-логически или стилистически они разноплановы. Чаще всего такие сцепления порождают комический эффект, у Горького это сатирическая интерпретация религиозно-философских исканий Толстого: *...ему нравилось заставлять их (людей. – В.Ч.), вообще «заставлять» читать, гулять, есть только овощи, любить мужика и верить в непогрешимость рассудочно-религиозных домыслов Льва Толстого* (282).

Слово ‘человек’ является одним из идеологически значимых оценочных средств в индивидуальном стиле М. Горького (например, поэма в прозе «Человек», гимн человеку в пьесе «На дне»). Эта функция присуща ему и в очерке «Лев Толстой». Для М. Горького слово ‘человек’ обладает высоким оценочным ореолом (*Человек – ось мира*, – пишет он в очерке о Чехове), и поэтому там, где он говорит о Толстом-художнике, его личности, оно выражает восхищение гением писателя. Разумеется, речь идет о словоупотреблении со специальным авторским заданием, а не в нейтральных контекстах, где у слова нет экспрессивно-семантических приращений (типа: *...иногда приятно поразить человека своей непохожестью на него* (257)). Оценочность слова создается в различных по грамматической структуре сочетаниях его, чаще за счет уточняющих определений: *сказочный, удивительный, безумно и мучительно красивый, человек-оркестр, прекрасный (...нет человека более достойного имени гения, более сложного, противоречивого и во всем прекрасного, да, да, во всем. Прекрасного в каком-то особом смысле, широко, неуловимом словами* (278)). Но высшая степень экспрессивности заключается в самом слове ‘человек’ и авторском неологизме ‘человек человечества’, дважды повторенном в тексте очерка: *...какой удивительный человек живет на земле! Ибо он, так сказать, всеобъемлюще и прежде всего человек, – человек человечества* (278). *...он же тем велик и свят, что – человек он, – безумно и мучительно красивый человек, человек всего человечества* (283). В последней цитате смысловую и интонационную нагрузку несут тире и инверсия. *Не сирота я на земле, пока этот человек есть на ней* (285), – пишет М. Горький, называя эту мысль счастливой.

Семантическая и экспрессивная емкость слова ‘человек’ поддерживается и другими лексическими и стилистическими средствами, формирующими этот ряд. И основная идея, объединяющая их, основной тезис, развертыва-

емый в тексте – национальная природа гения Толстого, национальные корни его исканий и заблуждений. Слагаемые словесного ряда не контактируют между собою непосредственно, не представляют единой линейной цепочки, а рассредоточены в тексте. Они создают авторскую оценочную светотень, из них вырисовываются черты русского национального характера Льва Толстого, черты горьковского антропоцентрического идеала: *Писатель национальный в самом истинном значении этого понятия... В нем – все национально* (279).

В интерпретации «русскости» Л. Толстого М. Горький воплотил идею поляризации национального характера, которая активно обсуждалась в начале XX века в философских трудах Г.П. Федотова, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского. «Русский народ, – писал Н.А. Бердяев, – есть в высшей степени поляризованный народ. Он есть совмещение противоположностей. Им можно очаровываться и разочаровываться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть» [8, с. 4]. Эта идея была созвучна Горькому, и в очерке показаны противоположные черты характера и мировоззрения Л. Толстого. А в словесной композиции очерка это выражено приемом контраста во взаимодействии словесных рядов и сочетаниях языковых оценочных средств внутри ряда.

Интересна в этом плане маленькая заметка (XXXII). *Иногда он бывает самодоволен и нетерпим, как заволжский сектант-начетчик, и это ужасно в нем, столь звучном колоколе мира сего* (270). Негативная оценка личных качеств писателя выражена средствами прямой номинации (*самодоволен, нетерпим, ужасно*), сравнение конкретизирует, усиливает ее и переводит в иной словесный ряд (ассоциация с Толстым-проповедником), а образное метафорическое приложение контрастирует с предшествующим контекстом своим положительным оценочным ореолом.

При описании «внешнего, удобного демократизма» Толстого в ряду активизируется лексика с субъективно-оценочными уменьшительно-уничтожительными суффиксами: *доверчивый протест-мужичок, казался старичком, мигая остренькими глазами, погасил их... огонек* (276). Но *из-под мужицкой бороды* мог подняться *старый русский барин*, и здесь экспрессивная тональность меняется, появляется лексика книжная, положительная оценочность которой выражается как прямым номинативным значением, так и образным словоупотреблением: *великолепный аристократ, существо чи-*

стых кровей, благородство и грация жеста, гордая сдержанность речи, изящная меткость убийственного слова (286).

Авторское видение противоречивой сущности личности Толстого иногда замыкается в двучленных антонимических рядах, языковых и контекстных. Например, «барин»-«холоп» (*Барина в нем было как раз столько, сколько нужно для холопов* (286)), «любовь»-«ненависть» (*Я не знаю – любил ли его, да разве это важно – любовь к нему или ненависть* (285)) и т.п. Контекстные антонимы построены у Горького на своеобразной игре слов. В одном случае это аллюзия, намек на известный фразеологизм «связался черт с младенцем», дефразеологизация его: *Он – черт, а я еще младенец, и не трогать бы ему меня* (266). В другом – сталкивание и противопоставление разных грамматических форм слова: *Выйдет он – маленький. И все сразу станут меньше его* (286). В условиях контекста в антонимических отношениях оказываются паронимы: *...он не спрашивает, а допрашивает* (277).

Есть в очерке словесный мини-ряд, который развертывает и конкретизирует оценку Толстого как человека сказочного (*... безгранично разнообразен этот сказочный человек* (276)). Здесь слова, которые поддерживают метафорическое употребление этого прилагательного, создают его семантическую двуплановость, привнося ассоциации с прямым значением. Они тематически связаны с мотивами фольклора, русских волшебных сказок – это синонимы *колдун, кудесник, ведун*, прилагательное *чародейское*, упоминается *леший*: *В задумчивой неподвижности позы Толстого, одиноко сидящего на берегу моря, Горькому почудилось нечто вещее, чародейское*. К его ногам подкатываются *зеленоватые волнишки, как бы рассказывая нечто о себе старому ведуну* (285). Причем синонимы этого слова встречаются не только в фантастической зарисовке Толстого на берегу моря, но и в других частях очерка. *Иногда казалось, что старый этот колдун играет со смертью* (282). *Стоит передо мной этот старый кудесник* (290). И во внешности Толстого Горький находит сказочные детали: *Он поднял мохнатые брови лешего* (272).

К числу слов-лейтмотивов, связанных с предметно-логической и экспрессивной стороной текста, можно отнести прилагательное «серый» и словообразовательное гнездо «озорник», «озорство». Слово «серый» используется главным образом в описании того впечатления, которое производит внешний вид Толстого, и встраивается в структуру словесного ряда Тол-

стой-человек. Из восьми словоупотреблений прилагательного только в одном реализуется прямое номинативное, цветное значение – в зарисовке Толстого, сидящего на берегу моря. В словесной композиции этой миниатюры прилагательное наряду со своим окружением формирует первое зрительное восприятие писателя, нарочито приземленное: *...заметил его маленькую, угловатую фигурку, в сером, помятом тряпье и скомканной шляпе* (285). С ним контрастирует последующее описание духовной силы, чего-то «вещего и чародейского», исходящих от этой угловатой фигурки. В остальных случаях прилагательное употребляется метонимически и с несколько размытой семантикой: *то ли в серой одежде, то ли с усталым лицом* (прилагательное ‘усталый’ дважды появляется в его контекстном окружении). *Он сидел на каменной скамье под кипарисами, сухонький, маленький, серый и все-таки похожий на Саваофа, который несколько устал...* (262).

Есть в очерке употребление прилагательного ‘серый’, связанное не с описанием внешности писателя, а с резкой критикой его проповеди. Смысл слова можно понять в широком контексте. Горький пишет, что в своей проповеди («дал нам евангелие») Толстой упростил образ Христа, «сгладил в нем воинствующее начало». *Несомненно, – продолжает он, – что евангелие Толстого легче приемлемо, ибо оно более «по недугу» русского народа... А «Война и мир» и все прочее этой линии – не умиротворит скорбь и отчаяние серой русской земли* (284). Судя по контексту, здесь реализовано значение ‘ничем не примечательный’, но реализовано иронически. Это как бы толстовская оценка, его точка видения, несобственно-прямая речь. С ней категорически не согласен Горький, а отсюда и ироническое словоупотребление, которое, как известно, есть переключение семантики слова в антоним.

В словесном ряду *Толстой – человек* слова ‘озорство’, ‘озорник’, ‘озорно’ употребляются с явно положительной оценочной функцией. Судя по контексту, ведущими семами их значения являются ‘задор, задорное или шаловливое поведение’², т.е. их употребление соответствует литературным нормам и не испытывает влияния нижегородского просторечья, как в автобиографической трилогии, о чем пишет Ю.С. Языкова. Нигде нет намека на «попущения, выходящие за рамки норм общежития» [9, с. 24–25]. ‘Озорство’, ‘озорник’ – это о взглядах, парадоксальных суждениях Толстого. И не «элемент осуждения» в их семантической структуре, а ско-

рее – восхищения, положительной оценки. Говоря об отношении Толстого к смерти и бессмертию, М. Горький замечает: *Он, конечно, слишком рассудочен и умен для того, чтоб верить в чудо, но, с другой стороны, – он озорник, испытатель...* (280). А вот национальный, народный характер этого озорства неоднократно подчеркивается ассоциацией с озорством Василия Буслаева: *В нем, как я думаю, жило дерзкое и пылливое озорство Васьки Буслаева...* (290). О манере Толстого «ставить трудные и коварные вопросы»: *Это – озорство богатыря: такие игры играл в юности своей Васька Буслаев, новгородский озорник* (266).

Композиционная структура очерка создается динамикой развертывания словесных рядов: они пересекаются, перетекают друг в друга, взаимодействуют, манифестируя образ автора и связанную с ним оценочную палитру цвета и тени. Дважды в очерке возникает сравнение Толстого с богом, но не в связи с проповедью, и упоминание *бога* не встраивается в соответствующий словесный ряд. Это отсылает нас к характеристике человеческих, творческих качеств писателя, национальной природы его гениальности. В образной зарисовке-сравнении смысловым центром является словосочетание *русский бог*, вызывающее ассоциацию с национальным характером Толстого: *Он похож на бога, не на Саваофа или олимпийца, а на тако-го русского бога, который «сидит на кленовом престоле под золотой липой и хотя не очень величествен, но, может быть, хитрей всех других богов* (254). Шутливое сравнение Толстого с богом не имеет религиозной подоплеки и никак не связано с его проповедью, это иной словесный ряд.

Второй раз словесные ряды перекрещиваются в заключительной части очерка после рассуждений Л.Н. Толстого о вере, любви, красоте: *А я, не верующий в бога, смотрю на него почему-то очень осторожно, немножко боязливо, смотрю и думаю: «Этот человек – богоподобен!»* (300). Но это не бердяевский богочеловек, а горьковский человекобог, равный своими возможностями богу. Это выражение преклонения перед «человеком человечества», личностью, художником, мыслителем.

Примечания

1. Цитаты из текстов М. Горького даются по Собранию сочинений в тридцати томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. Т. 14. В круглых скобках указывается страница тома.

2. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М.: Изд-во АН СССР. 1950–1965. Т. 8.

Список литературы

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.
 2. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. 254 с.
 3. Чудаков А.П. В.В. Виноградов и теория художественной речи первой трети XX века // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.

4. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.

5. Горшков А.И. Русская стилистика. М.: Астрель, 2001. 367 с.

6. Барахов В.С. Наедине с М. Горьким. М.: Полиграф сервис, 2010. 351 с.

7. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. 653 с.

8. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М.: В. Шевчук, 2000. 540 с.

9. Язикова Ю.С. Семантическое своеобразие слова в художественной речи. Uam Poznan', 1977. С. 74.

THE IMAGE OF THE AUTHOR IN M. GORKY'S MEMOIR PROSE (ESSAY «LEO TOLSTOY»)

V.M. Chernyaeva

Speech structure of the author's image is considered as a special text category forming the stylistic system and word composition in the essay "Leo Tolstoy" by M. Gorky.

Keywords: image of the author, word composition, word series.